

она будет продана. Что-то пошло не так: скорее всего, Корби нарушил соглашение с Церковью⁵.

Позднее он запросил непосредственно Ватикан о гранте, который, видимо, был столь важен, что Ватикан направил в Каркассон папского посла для наведения справок в епархии. Этим послом был не кто иной, как кардинал Ронкалли, ставший потом папой Иоанном XXIII (который, согласно книге «Святая Кровь и Святой Грааль», возможно, тоже принадлежал к Братству Сиона). Епархия явно предоставила отрицательный отчет и рекомендовала в предоставлении гранта отказать. Но, как ни странно, Ватикан грант выделил.

Понятно, что связи Корби представляют историю Ренн-ле-Шато совершенно в ином свете: со смертью Соньера тайна не исчезла. Учитывая, что Корби жил с Мари Денар-но приблизительно семь лет, он занимал исключительно благоприятное положение, чтобы выведать секреты. Какова бы ни была тайна, он не придумал ее. (Кстати, говорили, что Корби вместе с Пьером Плантаром де Сен-Клером были теми людьми, кто решил раскрыть факт существования Братства Сиона перед публикой в пятидесятых годах, но этот слух доказательного подтверждения не получил⁶.)

В последней главе мы показали, что Соньер был всего лишь одним человеком из вовлеченных в более широкую тайну округа — в события, связанные с большими суммами денег, а также с убийством.

Несомненно, с тайной были связаны и некоторые группы в Париже, с которыми контактировал Соньер. Интересно, что многие ведущие персоны в кругах Эммы Кальве были — как и сама Кальве — уроженцами Лангедока. Следовательно, Соньеру не было необходимости выезжать в Париж, чтобы встретиться с этими людьми, которые часто посещали Тулузу — «колыбель этого круга»⁷. И снова следы ведут к людям и группам, чьи имена и связи уже упоминались в связи с нашим расследованием.

Эти связи можно назвать исключительно важными: они не только проливают свет на самого Соньера, но показывают также, что история Ренн-ле-Шато на самом деле не имеет отношения к теме нашего расследования. Проследив историю священника до «генеалогического древа» оккультных групп, о которых говорилось раньше, мы увидели истинный характер более широкой тайны Лангедока совершенно в ином свете. В таком плане, насколько нам известно, ничего на английском языке опубликовано не было.

Странно, но, несмотря на время и силы, потраченные на раскрытие тайны, некоторые ответы всегда находились буквально перед лицом исследователя. Данные о привязанностях Соньера можно найти в церкви Ренн. Хотя скептики и относят особое убранство церкви либо к дурному вкусу Соньера, либо к его отклонениям от нормы, исследования показывают, что в этом «страшном» месте таинственности скорее больше, чем меньше.

Мы подозревали, что церковь и ее ближайшее окружение были сконструированы и построены по особому, тайному плану. Главными темами этого плана является инверсия, зеркальное отображение и равновесие противоположностей: например, башне Магдала противостоит оранжерея на противоположном конце ramпы. Если первая построена из массивных камней и имеет двадцать две ступени, ведущие на вершину башни, то последняя изготовлена из легких материалов и имеет двадцать две ступени, ведущие в нижнее помещение. И разбивка сада Соньера и Распятие у церкви явно соответствуют заранее продуманному — и предположительно осмысленному, геометрическому рисунку.

Наши наблюдения подтверждает Алан Фера⁸, известный художник, который живет в деревне, — он был протее не кого иного, как Жана Кокто. Фера, проживающий в деревне с